

Пушкине И.П. Липранди, близкого друга обоих поэтов, и стихотворениях Раевского. Много испытаний и лишений в дальнейшем выпадет на долю Раевского: арест, заключение в Тираспольской крепости, ссылка в Сибирь... Умер Раевский 8.07(20).1872. Похоронен в с. Олонки, в Сибири. Но навсегда он, «любовью чистою к отчизне возбужденный», останется человеком благородным, честным, сохранившим верность убеждениям. И, несомненно, боевое крещение, полученное в «огнях сражений», дало ему, поэту и воину, силы мужественно и достойно пройти «путь чести благородный».

Тема Отечественной войны 1812 года золотыми буквами вписана в мировую историю и литературу. Сколько бы лет ни прошло, писатели и поэты разных времен и народов обращались, и будут обращаться к великим событиям, которые не теряют своего значения за давностью лет. И навсегда в памяти потомков останутся те поэты, «которые стояли в рядах отечественной рати». И среди них – «свидетель россос смелых силы» – Владимир Федосеевич Раевский.

1. Базанов, В. Г. Владимир Федосеевич Раевский / В.Г. Базанов. – М., 1949.
2. Базанов, В.Г. Вольнолюбивое общество любителей русской словесности / В.Г. Базанов. – Петрозаводск, 1949.
3. Бейсов, П.С. Раевский В.Ф / П.С. Бейсов // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. – Ульяновск, 1949.
4. Глинка, Ф.Н. Очерки Бородинского сражения / Ф.Н. Глинка // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. – М., 1987.
5. Михайлов, О.Н. «Недаром помнит вся Россия» / О.Н. Михайлов // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. – М., 1987.
6. Пушкин, А.С. Полководец. Полное собрание сочинений / А.С. Пушкин. – М, 1965.
7. Щеголев, П.Е. Первый декабрист Владимир Раевский. Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века / П.Е. Щеголев // Библиотека «Общественной пользы». – № 4. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1905.

О.В. Седельникова

ВОЙНА 1812 Г. В ПАРИЖСКИХ ЗАПИСЯХ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА А.Н. МАЙКОВА 1842–43 ГОДОВ

Отечественная война 1812 г. дала мощный импульс к развитию самосознания русского общества. Его последствия проявились во всех сферах общественной и культурной жизни России первой половины XIX в. и во многом определили характерные особенности миропонимания большинства представителей российской культуры этой эпохи. В литературе и искусстве это вылилось во множество прямых обращений к осмыслению этой войны и образа Наполеона, постепенно ставшего в контексте русской культуры символом крайнего индивидуализма. Важное место занимала эта тема и в нехудожественных жанрах, в частности, в письмах и дневниках представителей русской культуры, посещавших Францию и Париж. А. Н. Майков не становится здесь исключением: пусть в его путевом дневнике нет подробных размышлений об Отечественной войне, ее виновниках, участниках и последствиях, но вольно или невольно эта тема возникает в дневниковых записях неоднократно в связи с описанием различных парижских впечатлений и представляет важную информацию как для понимания диалектических особенностей мировоззрения А. Н. Майкова, так и для изучения особенностей самосознания русской интеллигенции середины XIX в.

В 1842 г. А. Н. Майков окончил университет и дебютировал в литературе, опубликовав сборник «Стихотворения Апполона Майкова». Опыты молодого поэта получили высокую оценку критиков [2, 9]. В августе 1842 г. Майков вместе с

отцом отправился в путешествие, в ходе которого он посетил Данию, Францию, Швейцарию, Италию, Германию, Чехию. В Россию он вернулся лишь в марте 1844 г. [1, с. 454; 3, с. 8, 25–26].

Путевой дневник Майкова (отдельные фрагменты путевого дневника А.Н. Майкова опубликованы мною [7, с. 117–146; 8]). В случае цитирования из этих фрагментов ссылки даются на издания. В остальных случаях представлены ссылки на рукопись [6]) интересен тем, что принадлежит эпохе становления поэта, становления творческого и человеческого (к тому моменту ему исполнился 21 год), периоду особенной открытости впечатлениям извне. Дневник представляет собой сравнительно небольшой документ – сорок два листа *in folio*, сшитых в тетрадь. В нем отражены события первых шести месяцев путешествия с августа 1842 г. по март-апрель 1843 г., о чем свидетельствует авторская датировка на одном из последних листов [7, л. 37]. Записи фиксируют впечатления молодого поэта от многодневного морского плавания из Кронштадта до Гавра, включившего посещение Копенгагена, переезд в Париж и пребывания в столице Франции, двухнедельное путешествие в Италию через Швейцарию и Альпийские перевалы, первые месяцы жизни в Риме. Парижские записи отражают первые, беглые, но самые яркие впечатления молодого путешественника от непродолжительного знакомства с Францией: 31 августа 1842 г. Майковы приплыли на корабле в Гавр, не позднее 5 / 14 сентября они добрались до Парижа [7, с. 120, 122], где провели месяц и 6 октября / 24 сентября выехали в Рим [5, л. 33 об.].

Анализируя содержание путевого дневника, необходимо принимать во внимание внешние условия и в связи с этим – авторские задачи. Огромный поток впечатлений и ограниченность во времени заставляет Майкова быть кратким и лаконичным в формулировках. Отсутствие возможности запечатлеть в дневнике все и желание сохранить хотя бы самое важное заставляет его автора производить строгий отбор жизненного материала, особым образом структурировать и обобщать впечатления [11]. Этот факт необходимо учитывать при рассмотрении интересующих нас записей – появление в дневнике уже свидетельствует о значимости их содержания в контексте формирования особенностей мировоззрения поэта.

Общественные взгляды молодого А. Н. Майкова нельзя однозначно охарактеризовать как последовательно западнические или славянофильские. Уже в первой половине 1840-х гг. в его сознании складывается основной круг идей, предопределивший его сближение в 1860-е гг. с идеологами почвенничества и близкую дружбу с Ф. М. Достоевским [10, с. 35–47, 75–90]. Дневник отражает характерные особенности мировоззрения молодого Майкова и выявляет диалектизм его суждений о большинстве вопросов, стремление отойти от однобоких оценок и сформировать полноценное представление о том, что видит вокруг. Интерес к европейской культуре и безусловное уважение к ее высоким достижениям соседствует с критическим восприятием характерных проявлений повседневного быта европейских народов и различных проявлений общественной жизни. Критическое отношение особенно явно обнаруживает себя в парижской части путевого дневника Майкова и воспроизводится в письмах родным [10, с. 79–84]. Франция и Париж становятся в его сознании самым ярким проявлением сущности современного состояния жизни Запада, главным образом, в аксиологической плоскости. Поэт неоднократно подмечает поверхностность и непостоянство французов [7, с. 123]. Бегло анализируя особенности французской общественной жизни последних десятилетий, выраженные в памятниках архитектуры Парижа и их судьбе, Майков обнаруживает за внешней «кипячкой европейской жизни» странную бессмысленность и безыдейность движения, обусловившую деструктивность культурных

процессов в настоящем. Знаки высоты духовного развития французского народа Майков видит лишь в прошлом, осматривая соборы Парижа, которые, порой, поражают его своим совершенством и выраженным в них напряжением духовных устремлений [7, с. 125–126].

Знакомство с Францией становится для Майкова значимым моментом в процессе уяснения собственной национальной самобытности, особой формой самопознания. Вследствие этого в содержательную структуру дневника вводится проблема культурного самоопределения. Здесь Майков, очевидно, ориентируется на карамзинскую традицию, обозначившуюся в «Письмах русского путешественника». Страницы дневниковых записей, а еще более писем родным и друзьям, посвященных описанию Франции, полны сравнений с Россией, Петербургом, русской историей, памятниками культуры, отражающими последовательность исторического движения и активность духовного подвижничества россиян, тогда как последние события французской истории демонстрируют забвение национальной идеи. Подтверждение того Майков находит в самой трагически противоречивой судьбе многих осмотренных памятников архитектуры. Особенно характерно здесь размышление о судьбе Пантеона, переделываемого при очередной смене политической системы из храма в общественное здание [7, с. 127].

На фоне общего критического отношения к проявлениям общественной и культурной жизни современной Франции показательными становятся замечания Майкова, связанные с войной 1812 г., еще памятной как лично пережитое событие ныне живущими поколениями русских и французов. Первое упоминание о Наполеоне связано с тем, что путешественник осмотрел Дом Инвалидов: «Видел гробницу Наполеона и вспомнил Пушкина: “Хвала! Он русскому народу / Высокий жребий указал!”» [7, с. 128]. Майков лаконично передает весь комплекс возникших у него ассоциаций короткой цитатой из стихотворения А. С. Пушкина «Чудесный жребий совершился» (1821). Важно, что образ Наполеона вызывает в сознании автора дневника подобный ход мыслей: Отечественная война 1812 г. стала не проклятием, но великим моментом в истории России.

Через несколько листов в списке осмотренных памятников Парижа Майков упоминает о посещении панорамы московского пожара 1812 г. Она вызывает его восхищение:

«Вид очаровательный! рисунок верен натуре, воображение может придать верности и пламени, пожирающему здания. Вспомнил здесь о маменьке: она бы пролила слезы при виде кремлевских башен, внезапно окружающих ее ото всюду; тщетно стараешься заглянуть сверху и снизу – где же Париж, который сейчас шумел предо мною – он исчез; его вовсе не видать; вы на одной из кремлевских башен, далее идут его стены, зубцы, там колокольни, индейские и византийские куполы; каменный москворецкий мост, под которым струится вода, так что слышится ее падение. <...>» [7, с. 129–130].

Грандиозное полотно французского художника-баталиста Ж.-Ш. Ланглуа, открывшего жанр панорамы для батальной живописи, было выставлено в 1839 г. в выставочном павильоне на Елисейских Полях и вызвало восторг и удивление зрителей [4, с. 480]. Майкова, унаследовавшего от матери, коренной москвички, искреннюю любовь к Москве, приятно удивила историческая достоверность и объективность изображения старой русской столицы французским мастером, характеризующая в его сознании здесь нацию в целом. Очевидно, что если бы художник позволил себе нарушить достоверность и внести коннотации, связанные с переживанием последующего поражения французов, картина бы произвела противоположное впечатление и дополнила бы список национальных недостатков.

В письме родным, описывая это яркое впечатление, Майков оставляет важный для нас комментарий:

«<...> замечательно, что это первая картина из похода Наполеона в Россию. Версаль наполнен изображением его побед в Германии, Италии и Африке, но из этого похода есть только “*Bataille de Smolensk*”; заметьте, *bataille*, а не *prise*. Скромно и верно, оттого и удивительно» [5, л. 33 об.].

Путешественника, подмечавшего ранее все более негативные стороны национального характера французов, приятно удивило само обращение к теме Московского похода, закончившегося столь печально как для Наполеона, так и для Франции в целом. Объективность взгляда Ланглуа заставило Майкова вспомнить увиденную им в галерее Версаля картину «*Bataille de Smolensk*», видимо, написанную этим же художником. В названии полотна его поражает именно словоупотребление «*битва*», а не «*взятие*», отражающее историческую перспективу столь печального для России события войны 1812 г. В результате осмысления этих фактов неожиданно для себя Майков начинает видеть французов в новом свете – нацией, способной к объективному взгляду на недавние исторические события. Последнее позволяет автору дневника осознать положительные стороны национального самосознания французов.

Эти размышления получают развитие в другой записи, посвященной сопоставлению Вандомской и Александровской колонн:

«Колонна *Вандомская* – самая высочайшая из Парижских колонн, но ниже Александровской, и менее достойна уважения, ибо сложена из камней, а та есть кусок цельного гранита. Прекрасная мысль поставить наверху этой колонны маленького капрала в том костюме, как он его создал, и в этом отношении, как ни мысли толпа по выполнению, эта статуя лучше Ангела в длинной, глупой рясе, поставленного на Алекс<андровской> колонне. По-моему бы у нас надобно было поставить не Ангела, а статую Александра: пусть бы два соперника имели бы на двух площадях Европы одинакие монументы, ибо славы отнять ни у того, ни у другого нельзя; пусть бы они как бы переглядывались между собою, вознесшись в области знатны. Французы, значит, умеют ценить людей, а мы, мы все говорим: «Так Богу угодно». Если Богу было угодно дать нам силу сломать рог Наполеона, так Богу ставить памятники ни с чем не сообразно» [7, с. 131].

Высказанные здесь суждения отражают особенности позиции Майкова по отношению к хорошо знакомой ему концепции славянофилов. В них намечается любопытная диалектика соотношения личного и общенационального, государственного. Автор дневника ценит способность французов признать значение исторической личности и уважать масштаб ее деяний. Вследствие этого ему кажется неуместным то, что Александровскую колонну венчает не скульптурный портрет Александра I, в царствование которого Россия «сломала рог Наполеона», а статуя Ангела. Это свидетельствует о том, что Россия еще не научилась уважать отдельную личность и признавать ее достоинства. Подобное положение человека в обществе, по мнению Майкова, неизменно тормозит культурное развитие нации и мешает совершенствованию общественных отношений вследствие отсутствия баланса между частными устремлениями отдельной личности и масштабными государственными задачами. Уточнение этой мысли, касающейся необходимости изменения ценностных приоритетов в сознании российского общества, выражено Майковым в размышлениях по поводу военных учений, за которыми он наблюдал на Елисейских Полях:

«<...> отличительный характер парада у нас – поглощение индивидуального частного лица общемою массою, уничтожение всех, идеи человека в каждом

лице, для составления одной общей идеи. Здесь, напротив, свобода в том состоит, что каждый есть лицо, имеющее сознание самого себя, не только как части целого, а живущего для себя. Такое положение ближе к идеалу человечества; положение вещей у нас имеет результатом только силу массы, силу государства как целого <...>» [7, с. 130].

Осмысление Отечественной войны 1812 г. и ее последствий, возникающее в путевом дневнике Майкова в контексте соприкосновения с фактами французской культуры, дает любопытный результат. С одной стороны, оно подчеркивает величие и национальное достоинство русских, но не умаляет французов, а позволяет увидеть положительные проявления их национального самосознания. Таким образом, культурная память о войне будит определенный ракурс размышлений, развивает самосознание русской интеллигенции, позволяет, как в волшебном зеркале, лучше увидеть себя и свои национальные особенности, не только подчеркнуть достоинства, но выявить недостатки и наметить пути их преодоления.

1. Баевский, В.С. Майков Аполлон Николаевич / В.С. Баевский // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. – Т. 3. – М., 1994. С. 453–458.
2. Белинский, В. Г. Сочинения Ап. Майкова // Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. – М., 1953 – 1959. – Т. 6. – М., 1955. – С. 7–31.
3. Златковский, М. Л. А. Н. Майков. 1821–1897 г.: биографический очерк / М.Л. Златковскчий. – Изд. 2-ое, значит. дополненное. – СПб., 1898.
4. Ланглуа, Жан-Шарль Военная энциклопедия: в 18 тт / Жан-Шарль Лангуа. – Т. 14. СПб., 1914. – С. 480.
5. Майков, А.Н. Письма родителям / А.Н. Майков // ИРЛИ. – № 16994.
6. Майков, А.Н. Путевой дневник 1842 г. / А.Н. Майков // РО ИРЛИ. – № 17305.
7. Майков, А.Н. Путевой дневник 1842–1843 гг. (Публикация О. В. Седельниковой) Часть 1. / А.Н. Майков // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. / отв. ред. Т. С. Царькова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – С. 105–146.
8. Майков, А.Н. Путевой дневник 1842–43 гг. Часть 2 (Публикация О. В. Седельниковой) / А.Н. Майков // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 гг. / отв. ред. Т. С. Царькова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – С. 401–437.
9. Плетнев, П.А. Стихотворения Аполлона Майкова / П.А. Плетнев // Современник. – 1842. – XXVI. – С. 51.
10. Седельникова, О.В. Ф. М. Достоевский и кружок Майковых / О.В. Седельникова. – Томск, 2006.
11. Седельникова, О.В. Интертекстуальность дневниковой прозы (на материале путевого дневника А.Н. Майкова 1842–43 гг.) / О.В. Седельникова // Вестник Том. Гос. ун-та. Филология. – 2011. – № 2 (14). – С. 110–121.

С.И. Лякишева

А.С. КАЙСАРОВ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Спустя 50 лет после событий Отечественной войны, с февраля 1863 года на протяжении 7 лет военные события реконструировал за письменным столом на страницах романа Л.Н. Толстой – с ежедневной головной болью, зачастую – температурой, поднимающейся от волнения за своих 500 героев, из которых априорно представлял 200 подлинных исторических лиц. «У меня недели две как сделались приливы к голове и боль в ней такая, что я боюсь удара» – писал он брату С.Н. Толстому в феврале 1867 г. В дневниковой записи 23-летней жены Л.Н. Толстого Софьи Андреевны – подтверждение его состояния: «Левочка всю зиму раздраженно, со слезами и волнением пишет». В Яснополянской библиотеке хранятся сотни книг со следами работы Л.Н. Толстого: отчеркивания в тексте графитным карандашом или ногтем, испещренные мелкими записями поля, загнутые углы страниц. В титанической работе над романом писательский труд Толстой сов-